

УДК 821.161.1-9

«ТАЙНЫ ДУШИ» И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Баранская Е. М.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru

В статье рассматривается своеобразие романтического метода Я. П. Полонского: формирование образа лирического героя в ранней лирике поэта в духе романтического субъективизма начала XIX века и его трансформация в зрелой поэзии, преломление психологической личности творца в его художественном творчестве, созвучие образа романтического героя душевно-психологическому складу Полонского-человека. Прослеживается художественная реализация романтического мировосприятия Я. П. Полонского: в обращении к фантазийным сюжетам, к «параллелизму» мира природы и внутренней жизни человека, отмечается переплетение «бытийного», «действительного» с идеально-романтическим в «сновидной» поэзии, в постановке темы «поэт и поэзия». «Затекстовый образ» Полонского-поэта в ранней лирике представлялся читателям отстраненным романтиком. При этом лирике Я. П. Полонского был присущ эффект «доступности», открытости душевного мира поэта. Со временем поэт формирует индивидуально-очерченный мир «волшебного» романтизма, созвучный своему психологическому состоянию, настроению, что признавали его современники. В постановке темы «поэт и поэзия» каноны романтической традиции соблюдены: поэт – пророк – лишний среди людей, но горд своим одиночеством, служа высшим идеалам. Но для Полонского – это не абстрактное одиночество. Это постоянное и угнетающее понимание своей неустроенности при осознанном таланте, унижительная материальная зависимость от людей, которым незнакомы и недоступны порывы вдохновения и которые «снисходят» к поэту. При анализе привлечены как лирика Я. П. Полонского разных лет, так и дневники, мемуаристика, современная поэту критика и периодика, архивные документы.

Ключевые слова: лирический герой, литературная личность, психологическая личность, мир природы, романтизм, Я. П. Полонский.

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи – проследить нюансы сотворения романтического мира Я. П. Полонского, его литературной личности с учетом проекции личностных психоэмоциональных характеристик автора на художественный мир его поэзии. При этом необходимо решить следующие **задачи**: выяснить степень «созвучия» душевно-психологического склада Полонского-человека лирическому герою его романтической поэзии; определить роль природного мира, место фантазийных сюжетов и фольклорных мотивов в художественном пространстве Полонского-романтика; пронаблюдать реализацию романтического двоемирия поэта в его «ночной» лирике, осмыслить психологическую природу сновидной поэзии

Я. П. Полонского с точки зрения потенциального познания самого себя, своего поэтического бытия и окружающего мира. **Объект** статьи – романтический субъективизм Я. П. Полонского как основной принцип его художественного мировоззрения и самовыражения; **предмет** – художественная реализация романтического двоемирия Я. П. Полонского в его лирике.

В 1844 г. после выхода стихотворного сборника Я. П. Полонского «Гаммы» В. Г. Белинский доброжелательно отозвался о поэтическом даровании автора, «без чего никакие умные и глубокие мысли, никакая ученость не сделают человека поэтом»: «Сама натура поэта была непосредственным источником его направления и его идей» [4, с. 474]. «Мечтательный», «рассеянный» [24, с. 270], Полонский гармонично вписывался в литературные представления о поэте-романтике. «Лучшие представители романтизма <...> блистая высокими дарованиями, имели и впечатлительные сердца», – писал к исходу XIX в. критик П. Суворов [22, с. 771–772, 773]. По мысли Ю. И. Айхенвальда, все, созданное Полонским, «согрето внутренним теплом задушевности» [1, с. 250]. Сам Полонский в статье «О качествах, необходимых писателю и в особенности поэту» (1837) сформулировал свое поэтическое кредо: «Изящное должно удовлетворять чувству умственному, нравственному и эстетическому» [18, 1 л.]. При этом для поэта-романтика творчество – «особая сфера, парящая над объективным миром» [7, с. 224].

«Затекстовый образ» [14, с. 34–37], или: «я-для читателя» [15, с. 161–162] Полонского-поэта представлялся его читателям-современникам отстраненным романтиком, принимающим за «действительность <...> то, что ему мерещится» [25, с. 122]. Поэтический мир Полонского воспринимался как «туманный, мечтательный, вечерней или утренней зарею облитый колорит вдохновений» [6, с. 128]. Любовная лирика поэта 1840–1850-х гг., выполненная в духе пушкинских традиций, поддерживаемая продуманной игровой мистификацией реальной жизни в Москве, Крыму, на Кавказе – великолепная тому иллюстрация [3]. И вместе с тем А. В. Дружинин (ст. «Стихотворения Я. П. Полонского», 1855) улавливал в лирике Полонского «истолкование» «тайн собственной души» [9, с. 2].

В современном литературоведении мировидению Я. П. Полонского уделяется особое внимание [11, 21]. Справедливо замечено, что в стихах Полонского мы можем встретить «прозаические, разговорные интонации», бытовые детали в духе «натуральной школы» [12, с. 37]. Но нельзя не отметить, что собственно описание действительности, в том числе природы, не являет основную идею в стихах Полонского. Как поэт-романтик, он и творческое вдохновение Полонский ставит в прямую зависимость от природных явлений:

Мое сердце – родник; моя песня – волна,

Пропадая вдали, разливаётся...

Под грозой – моя песня, как туча, темна,

На заре – в ней заря отражается.

«Мое сердце – родник...», <1856> [19, т. 1, с. 113].

Обращению к миру природы Полонский во многом обязан достижением той поэтической новизны, «свежести лиризма», которой восхищался Н. В. Гоголь по выходе сборника «Гаммы» (в число понравившихся стихотворений он включил «Пришли и стали тени ночи...» (1842) Я. П. Полонского [13, с. 137]). Традиционный и фольклорный по происхождению параллелизм мира природы и внутренней жизни человека приобретает для Полонского-романтика (особенно в 1840-1850-е годы) первостепенное значение: «*Не природа ли тайно с душой говорит?*» («В глуши», <1855>). Я. П. Полонский изначально декларировал себя поэтом романтического направления и, в частности, выступал в роли продолжателя пушкинской поэтической традиции [3], что определяло и особенности его творческих поисков.

Тонкое чувство слова (образа) отличает Полонского в его лирике. «*От зари роскошный холод проникает в сад*» («Качка в бурю») – этот «роскошный» эпитет превращает грозную бурю, явление природы в жизнь сердца, воспоминания во сне. Сам Полонский в преклонные годы писал, что теперь бы он «не решился обмолвиться таким эпитетом – написал бы *вечерний холод* – и было бы хуже» [17, с. 589]. У романтика с «природными категориями» соотнесены «вопросы сердца» [26, с. 254]. Так, в стихотворении Полонского «Иная зима» (<1859>) две «разные» зимы – как два этапа жизни: детства и старости; первая – это детский мир сказок («*О том, как жил*

да был на свете дурачок»), с наивным взглядом на мир, с уютным ощущением дома в обществе старой няни; вторая – одиночество зрелости, сопряженное с беспощадным познанием мира, лишением иллюзий, физической немощью:

*Я помню, как детьми с румяными щеками,
По снегу хрупкому мы бегали с тобой –
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой <...>*

*Но та зима от нас ушла с улыбкой мая,
И летний жар простыл – и вот, заслыша вой
Осенней бури, к нам идет зима иная,
Зима бездушная – и уж грозит клюкой [19, т. 1, с. 135].*

Психологическая связь с природой для Полонского естественна, для читателя – убедительна. Его лирический герой нередко пребывает в таинственной, чарующей ночи; множество стихотворений имеет и в названии слово «ночь»: «Пришли и стали тени ночи...», 1842; «Ночь в горах Шотландии», <1844>; «Грузинская ночь», <1848>; «Ночь на Восточном берегу Черного моря», 1850; «Ночь», 1850; «Ночь в Крыму», <1857>; «Ночь в Сорренто», <1859>; «Холодеющая ночь» <1858>; «Корабль пошел навстречу темной ночи...», <1859>; «Белая ночь», <1862>; «Ползет ночная тишина», 1862 и др. Но ночь – время не только любовных мечтаний («Письмо», <1853>; «Песня цыганки», 1853; «Воспоминание», 1853), это время единения лирического героя с «мировой тканью»:

*Корабль пошел навстречу темной ночи...
<...> Как будто в той стране таинственно-немой
Для моего чела венец плетут Плеяды,
И зажигают вечные лампы,
И обещают мне бессмертия покой.*

Ночь и сон позволяют вырваться из пут жизненных неудач, смягчают душевную боль:

<...> Ночь глядит миллионами тусклых очей...

Погружай меня в сон, колокольчика звон!

<...> белый призрак луны

Смотрит в душу мою – и былую печаль

Наряжают в забытые сны.

«Колокольчик», 1854 [19, т. 1, с. 102].

Романтическое двоемирие Я. П. Полонского соотносит образ ночи как с реальным миром (*Погружай меня в сон, колокольчика звон!*), так и с инобытийным («Белый призрак луны / Смотрит...»), вносит в лирику «томно-фантастический колорит» и «задумчивость очень унылую, но не совершенно безотрадную» [8, с. 489]. Лирический герой пребывает в действительности, существующей на грани сна и бодрствования, мечты и реальности. «Волшебный элемент» [23, с. 54] в поэзии Полонского во многом определяется снами: «У всякого есть свои сны наяву. Но для этих снов еще не выдумано никаких истолкований» [16, л. 25]. Более сумрачные тона и оттенок потусторонности приобретают стихотворения поздней лирики («Когда в наш темный сад вошла ты привиденьем...», <1891>; «В потемках», 1892; «Призрак»), сопряженные с авторской оценкой достигнутого (взглядом в былое) и современными впечатлениями, с «явлениями действительности» [8, с. 489]. Сон предоставляет поэту возможность познания самого себя и окружающего мира, об этом говорят и письма Полонского, в которых он описывает свои сновидения [10, с. 27–35, 54–55].

Примечательно, что сны для Полонского имеют двойственную природу. С одной стороны, пророческие сны – неотъемлемая часть самой природы поэта, который пребывал в плену предчувствий. С другой – результат продуманной работы, что подтверждают мемуары Полонского [19, т. 2, с. 430], дневниковые записи за 1858–1860 гг., объединенные авторским вступительным словом: «Эти годы были так полны всякого рода треволнений – борьбы, горя, надежд, отчаянья, любви и горьких слез – слез, которые до сих пор зудят в глазах и текут по щекам моим. Грусть моя стала хронической, и я не знаю, когда я от нее отделаюсь. У меня нет памяти, я не помню

собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере» [16, л. 23]. Творческая история «Снов», их жанровая нетривиальность – еще одно тому доказательство. А. А. Асоян пронаблюдал этапность создания цикла, зафиксированного в записной книжке поэта: 1846 г. – набросок первого «сновидения»; через десять лет – возвращение Полонского к замыслу «Снов», но уже как к части единого целого, состоящего из четырех «снов» (пятая часть цикла – «Подсолнечное царство» – написана лишь в 1859 году). Это позволило исследователю сделать вывод, что «замысел «Снов» осуществлялся как идея целостного произведения», и «в каждой главе переживания героя – неотъемлемая часть общего настроения, и оно, как единый сквозной лирический сюжет, развивается в казуальной последовательности» [2, с. 37–38].

Переплетение «бытийного», «действительного» с идеально-романтическим наблюдается и в постановке темы «поэт и поэзия». Каноны романтической традиции соблюдены: поэт – пророк – лишний среди людей, но горд своим одиночеством и исключительностью, служа высшим идеалам. Но для Полонского – это не абстрактное одиночество. Это постоянное и угнетающее понимание своей неустроенности при осознанном таланте, это унижительная материальная зависимость от людей, которым незнакомы и недоступны порывы вдохновения и которые «снисходят» к поэту. Романтизм Полонского «подпитывается» биографическими впечатлениями его реальной жизни. Возможно, поэтому в 4-ом стихотворении цикла «Подсолнечное царство», описывая скитания поэта, Полонский использует элементы сюжетной лирики и отправляет героя в мир сказки: *«Чтоб хоть там свободным словом / Облегчить больную грудь»* [19, т. 1, с. 140]. В *«подсолнечном царстве»* поэт оказывается царевичем, наследником государства. Казалось бы, сказочный мир, параллельная волшебная реальность предоставляет поэту возможность социальной реализации. Но:

*«Сокрушил меня царевич;
Кто мне что ни говори,
А, любя стихи да рифмы,
Не годится он в цари.*

Я лишу его наследства).

А жена ему в ответ:

«Будет, бедненький, по царству

Он скитаться, как поэт» [19, т. 1, с. 141].

Тема личного одиночества поэта доминирует в последнем стихотворении цикла «Тишь и мрак», где воссоздана атмосфера мистического ужаса, безумия. «*Мрак во мраке – / И в тишине – тишина...*», и никого... Лишь на короткий миг является поэту безмолвный призрак, и поэт умоляет его: «*Порадуй хоть словом одним*». Но вновь остается «*блуждать в этом мраке / Один – как слепец*». В 5-ом стихотворении цикла «Тишь и мрак» сон предоставляет поэту прожить «параллельную реальность», постичь порывы сердца и тайну души, «страшащейся одиночества», преодолеть «ад реальной действительности и ад душевный» [10, с. 34] и в момент пробуждения возродиться к жизни с первоначальной способностью радости бытия и благодарности за жизнь.

Незадолго до написания «Снов», в декабре 1855 г., Полонский зафиксировал в дневнике владеющее им некоторое время настроение: «Вот уже 2 дня, как тоска меня гнетет, мучит, душит и давит. Вся жизнь моя является мне в черном виде. Ничто не удовлетворяет: ни внешняя обстановка жизни, ни внутреннее состояние души моей – будущее пугает <...> Спасет ли кто-нибудь меня, или нет спасенья! Я знаю, что может спасти меня безделица, – и в этой безделице судьба мне отказывает, – или я ничего не стою – или сам виноват. Сознаться как в том, так и в другом тяжело и грустно» [20, с. 110].

ВЫВОДЫ

Характеристики лирического героя раннего Полонского: искренен до детскости, мечтателен, близок природному миру, влюбчив, одинок и исполнен чувства собственного достоинства, горд – достаточно определенно повторяют черты «обобщенного» (Л. Я. Гинзбург) лирического героя романтической поэзии 1820–1840-х гг., времени литературного ученичества поэта. Поэтические традиции начала XIX в. обуславливают стремление Я. П. Полонского моделировать художественно-

эстетическую систему по канонам романтизма. Наложение характеристик романтического героя на соответствующий психологический склад личности Полонского дает устойчивое представление об авторской откровенности, открытости перед читателем. Но со временем поэт формирует свой, индивидуально-очерченный мир «волшебного» романтизма, абсолютно созвучный психоэмоциональному складу Я. П. Полонского, что безоговорочно признают его современники. Поэт-романтик, Полонский постигает и понимает мир во всей его сложности, «пребывает» в реалиях мира – и поэтическим усилием (через трансформации природных стихий) приобщается к романтическому инобытию. Этому способствуют сновидения, «спасительно» соединяющие границы двух миров – земного и высшего. Поэтическая созвучность истинным личным переживаниям постепенно становится последовательно развиваемым художественным принципом поэта.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2-х т. / Ю. И. Айхенвальд. – М. : Юрайт, 2018. – Т. 1. – 420 с. – (Серия : Антология мысли).
2. Асоян А. А. «Сны» Полонского как форма целостного лирического произведения / А. А. Асоян // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) : сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., 10–12 октября 2019 г. / науч. ред. Т. В. Федосеева ; отв. ред А. А. Решетова. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. – Вып. 2. – С. 37–45.
3. Баранская Е. М. «Пушкинский Крым» и «романтическое житнетворчество» Я. П. Полонского // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 3–17.
4. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / В. Г. Белинский. – М. – Т. 8 : Статьи и рецензии. 1843–1845. – 1955. – С. 430–488.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. – 2-е изд., доп. / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1974. – 407 с.

6. Григорьев А. А. Эстетика и критика / А. А. Григорьев. – М. : Искусство, 1980. – 496 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
7. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – М. : Худож. лит., 1965. – 356 с.
8. Добролюбов Н. А. Стихотворения Я. П. Полонского. Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб., 1859 / Н. А. Добролюбов // Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 2 : Литературная критика. Статьи и рецензии 1859–1861 гг. – Л. : Худож. лит., 1935. – С. 489–497.
9. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского [Текст] / А. В. Дружинин // Современник. – 1855. – Т. 54. – С. 1–20.
10. Козубовская Г. П. Поэзия Я. П. Полонского: сон как театр / Г. П. Козубовская // Козубовская Г. П. Середина XIX века: миф и мифопоэтика. – Барнаул, 2008. – С. 20–67.
11. Морозова С. Н. Поэтика стихотворений Я. П. Полонского / С. Н. Морозова // Филологические науки: современность и перспективы (II Бишевские чтения) : материалы международ. науч.-практич. конф. (Стерлитамак, 2010). – Стерлитамак : Изд-во СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2010. – Ч. 1. – С. 215–218.
12. Морозова С. Н. Жанр романа в творчестве Я. П. Полонского: соотношение романтического и реалистического // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2010. – № 15(19). – С. 36–39.
13. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / Н. А. Некрасов. – Т. 11, кн. 2 : Критика, публицистика 1847–1869. – Л. : Наука, 1990. – 430, [2] с.
14. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) / Л. А. Орехова. – Киев : УМК ВО, 1992. – 122 с.
15. Орехова Л. А. «Я-для себя» и «я-для читателя»: стилистика авторского образа в дневнике А. Блока / Л. А. Орехова // Литературоведческие и этнокультурные парадигмы. К юбилею проф. Н. П. Лебедева. ВАК – Измаил : «СМИЛ», 2010. – С. 160–169.

16. Полонский Я. П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 2. Ед. хр. 7. – 136 л.
17. Полонский Я. П. Лирика; Проза / Я. П. Полонский. – М. : Правда, 1984. – 608 с.
18. Полонский Я. П. О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту. 1837 г. Автограф / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 1. Ед. хр. 8. – 1 л.
19. Полонский Я. П. Сочинения: в 2-х т. / Я. П. Полонский. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1 : Стихотворения; Поэмы. – 493 с. ; Т. 2 : Признания Сергея Чалыгина; Женильба Атуева; Воспоминания. – 463 с.
20. Полонский Я. П. Из дневника. Ноябрь – декабрь 1855 / Я. П. Полонский // Голос минувшего. – 1919. – № 1–4. – С. 101–119.
21. Пронина Л. А. Полонский и время / Л. А. Пронина. – Рязань : Поверенный, 2000. – 150 с.
22. Суворов П. Желательно ли возрождение романтизма? / П. Суворов // Русское обозрение. – М., 1895. – Т. 32. – № 4. – С. 770–779.
23. Сухова Н. П. «Волшебный элемент» в поэзии Полонского / Н. П. Сухова // Сухова Н. П. Мастера русской лирики: А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, А. К. Толстой. – М. : Просвещение, 1982. – 112 с.
24. Тхоржевский С. С. Высокая лестница [Текст] / С. С. Тхоржевский // Портреты пером. – М.: Книга, 1986. – С. 220–349.
25. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Редакция, статья и комментарии И. Н. Розанова / Е. А. Штакеншнейдер. – М. ; Л.: Academia, 1934. – 586 с.
26. Эйхенбаум Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Сов. писатель, 1969. – 552 с.

References

1. Aykhenval'd YU. I. *Siluety Russkikh Pisateley: V 2-h t.* [Silhouettes of Russian Authors in 2 Volumes]. Moscow: YUrayt Publ., 2018. Т. 1. 420 p. (Seriya: Anthologiya mysli).
2. Asoyan A. A. «*Sny*» *Polonskogo Kak Forma THelostnogo Liricheskogo Proizvedeniya* [«Dreams» by Polonsky as a Form of an Integral Lyrical Work]. V: YA. P. Polonskiy: Lichnost', Tvorchestvo, Epoha (Posvyaschaetsya 200-letiyu so Dnya Roghdeniya

- Poeta): sb. Statey po Materialam II Meghdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii, 10–12 Oktyabrya 2019 g. Ryazan: Ryazanskiy Gosudarstvennyy Universitet im. S. A. Yesenina Publ., 2019. V. 2. P. 37–45.
3. Baranskaya YE. M. «*Pushkinskiy Crym*» I «*Romanticheskoye GHiznetvorchestvo*» YA. P. Polonskogo [«Pushkin's Crimea» and «romantic creative life» of YA. P. Polonsky]. V: Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. 2018. Vol. 4 (70), no. 4. P. 3–17.
  4. Belinskiy V. G. *Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 13-ti t.* [Complete Works in 13 Volumes]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1953–1959. T. 8: Stat'i i Recenzii. 1843–1845. P. 430–488.
  5. Ginzburg L.YA. *O lirike* [About a Lyric Poetry]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1974.
  6. Grigor'yev A. A. *Estetika i Kritika* [Esthetics and Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980. (Istoriya estetiki v pamyatnikakh i dokumentakh).
  7. Gukovskiy G. A. *Pushkin i Russkiye Romantiki* [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1965.
  8. Dobrolyubov N. A. *Stikhotvoreniya YA. P. Polonskogo. Dopolneniye k Stikhotvorenyam, Izdannym v 1855 g. SPb., 1859* [Y. P. Polonsky's Poems. Supplement to Poems, which are Published in 1855 year. SPb., 1859]. V: Dobrolyubov N. A. *Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 6-ti t. T. 2: Literaturnaya Kritika. Stat'i i Retsenzii 1859–1861 gg.* [Complete Works in 6 vols. Vol. 2: Literary Criticism. Articles and Reviews 1859–1861 years]. Leningrad: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1935. P. 489–497.
  9. Druzhinin A. V. *Stikhotvoreniya YA. P. Polonskogo* [Y. P. Polonsky's Poems] V: *Sovremennik*. 1855. Vol. 54. P. 1–20.
  10. Kozubovskaya G. P. *Poeziya YA. P. Polonskogo: Son kak Teatr* [Poetry of Ya. P. Polonsky: Dream as a Theater]. V: *Seredina XIX veka: mif and mifopoetika*. Barnaul, 2008. P. 20–67.
  11. Morozova S. N. *Poetika Stikhotvoreniy YA. P. Polonskogo* [Poetics of Poems by Ya. P. Polonsky] V: *Filologicheskiye Nauki: Sovremennost' I Perspektivy (II Biishevskiyechteniya): Materialy Meghdunarodnoy Nauchno-prakticheskoy Konferentsii (Sterlitamak, 2010)*. Sterlitamak: SGU im. N. G. Chernyshevskogo Publ., 2010. Part 1. P. 215–218.

12. Morozova S. N. *Ghanr Romansa v Tvorchestve YA. P. Polonskogo: Sootnosheniye Romanticheskogo I Realisticheskogo* [The Genre of Romance in the Work of Ya. P. Polonsky: the Correlation of the Romantic and the Realistic]. V: *Izvestiya PGPU Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V. G. Belinskogo*. 2010. No. 15 (19). P. 36–39.
13. Nekrasov N. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 15-ti t. T. 11, kn. 2: Kritika, publitsistika 1847–1869* [Complete Collection of Works and Letters in 15 vols. Vol. 11, book 2: Criticism, Publicism 1847–1869]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 430, [2] p.
14. Orekhova L. A. *Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkiy Modernizm (Liricheskaya Proza)* [Author's Myth-making and Russian Modernism (Lyric Prose)]: Uchebnoe Posobie. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 122 p.
15. Orekhova L. A. «YA-dlya Sebya» I «YA-dlya CHitatelya»: *Stilistika Avtorskogo Obraza v dnevnike A. Bloka* [«I Am for Myself» and «I Am for the Reader»: the Stylistics of the Author's Image in the Diary of A. Blok]. V: *Literaturovedcheskiye i Etnokul'turnye Paradigmy*. K Yubileyu Prof. N. P. Lebedenko. VAK – Izmail: «SMIL» Publ., 2010. P. 160–169.
16. Polonskiy YA P. *Dnevnikovye Zapisi. Kopiya, Sdelannaya Rukoy GH. A. Polonskoy. 1856–1860 gg.* [Diary Notes. A Copy by Zh. A. Polonskaya. 1856–1860]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 2, un. stor. 7. 136 sh.
17. Polonskiy YA. P. *Lirika; Proza* [Lyric Poetry; Prose]. Moscow: Pravda Publ., 1984. 608 p.
18. Polonskiy YA. P. *O Kachestvakh, Neobkhodimyykh Pisatelyu, a v Osobennosti Poetu. 1837 g. AvtoGRAF* [About the Necessary Qualities of an Author, and Especially of a Poet]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 1, un. stor. 8. 1 sh.
19. Polonskiy YA. P. *Sochineniya: V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. T. 1: *Stihotvoreniya; Poemy* [Vol. 1: Verses; Poems]. 493 pp. T. 2: *Priznaniya Sergeya Chalygina; ZHenit'ba Atuyeva; Vospominaniya*. [Vol. 2: Acknowledgments of Sergey Chalygin; Marriage of Atuyev; Memories]. 463 p.
20. Polonskiy YA. P. *Iz Dnevnika. Noyabr' – dekabr' 1855* [From Diary. November – December 1855]. V: *Golos Minuvshego*. 1919. No. 1–4. P. 101–119.

21. Pronina L. A. *Polonskiy i Vremya* [Polonsky and Time]. Ryazan: Poverenniy Publ., 2000. 150 p.
22. Suvorov P. *Zhelatel'no li Vozrozhdeniye Romantizma?* [Is It Desirable to Revive Romanticism?]. V: Russkoje obozrenije. Moscow, 1895. Vol. 32, no. 4. P. 770–779.
23. Sukhova N. P. «*Volshebny Element*» v *Poezii Polonskogo* [«Magic Element» in the Poetry of Polonsky]. V: Sukhova N. P. *Mastera Russkoy Liriki: A. A. Fet, Y. P. Polonsky, A. N. Maykov, A. K Tolstoy* [Masters of Russian Lyric Poetry: A. A. Fet, J. P. Polonsky, A. N. Maykov, A. K Tolstoy] – Moscow: Prosvesheniye Publ., 1982. 112 p.
24. Thorzhhevskiy S. S. *Vysokaya Lestnica* [High Staircase]. *Portrety Perom* [Portraits by Pen]. Moscow: Kniga Publ., 1986. P. 220–349.
25. Shtakenshneyder E.A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [Diaries and Notes (1854–1886)]. Moscow-Leningrad: Akademija Publ., 1934. 586 p.
26. Ejkenbaum B. M. *O Poezii* [About a Poetry]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1969. 552 p.

**«SECRETS OF THE SOUL» AND REALITY IN THE LYRIC POETRY
OF YA. P. POLONSKY**

Baranskaya E. M.

The article deals with the originality of the romantic method of Ya. P. Polonsky: the formation of the image of the lyrical hero in the poet's early poetry in the spirit of romantic subjectivism of the early 19th century and its transformation in mature poetry, the refraction of the psychological personality of the creator in his work, the consonance of the image of the romantic hero to the mental and psychological constitution of Polonsky-the human.

The artistic realization of the romantic worldview of Ya. P. Polonsky is viewed: in his appeal to fantasy plots, to the «parallelism» of the world of nature and the inner life of man, the intertwining of the «existential», «real» with the ideal-romantic in «dream» poetry, in the setting of the theme «Poet and poetry» is indicated. The “off-text image” of Polonsky in his early lyrics presented to the readers as a detached romantic. At the same time, the poetry of Ya. P. Polonsky was characterized by the effect of «accessibility», openness of the poet's peace of mind. Over time, the poet forms his own individually outlined world of «magic» romanticism, conformable to his psychological state, mood that was recognized by his contemporaries. In setting the theme «poet and poetry» the canons of the romantic tradition are observed: the poet – prophet is unnecessary among people, but is proud of his solitude, serving the highest ideals. But for Polonsky it is not an abstract solitude. It is a constant and depressing understanding of one's own disorder with a conscious talent, a humiliating material dependence on people who are unfamiliar and unavailable to bursts of inspiration and who “condescend” to the poet. The analysis involved the lyrics of Ya. P. Polonsky of different years, diaries, memoirs, contemporary poetry criticism, periodicals and archival documents.

Keywords: lyrical hero, literary personality, psychological personality, the world of nature, romanticism, Ya. P. Polonsky.